

шевной жизни. Въ сущности, весь второй томъ этихъ посмертныхъ произведеній художника, діалоги дѣтей о правдѣ и о несправедливой жизни, пьеса—«И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ», въ которой полно отражена личная трагедія Толстого, и повѣсть «Отецъ Сергій»—есть не литература въ обычномъ значеніи этого слова, а художественная исповѣдь личной душевной жизни, сплошной рассказъ о горѣнн и мукѣ души, объ усиліяхъ осуществить душевное призваніе и о борьбѣ за него.

Но страницы эти поражаютъ не только высокимъ темпомъ отраженной въ нихъ внутренней жизни, огнемъ, положительно обжигающимъ при чтеніи, непрерывно-горящей, требовательной и взволнованной души, но также и неслыханнымъ теперь совершенствомъ художественнаго рисунка и дивной простотой письма. Страницы въ «Отцѣ Сергіи», гдѣ послѣ тонкой сцены оболыщенія нарастаетъ съ внезапной силой подъемъ душевной энергіи, внутренняго моральнаго вдохновенія, показываютъ, какъ старый художникъ умѣлъ пользоваться той выразительностью, которую придаетъ сценѣ простое соотношеніе частей, ея компановка. Кромѣ того въ самомъ рисункѣ, напримѣръ, той же сцены оболыщенія, сколько совершенно самостоятельныхъ чертъ и штриховъ, такъ просто и выразительно пере-